

НЕУСТОЙЧИВЫЙ ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Доктор философских наук, профессор В.А. ЛОСЬ
(Российская экологическая академия)

DOI: 10.7868/S0233361923100038

Возможно ли устойчивое развитие в турбулентном мире? В начале третьей декады XXI в. вопрос подобного рода может показаться не вполне уместным, ибо турбулентность современных мировых процессов исключает, казалось бы, его актуальность. И тем не менее действительно, – с одной стороны, было бы страусиной политикой закрывать глаза на реальные трудности во всех практически аспектах бытия, определяющих выход глобального социума на уровень реше-

ний Целей устойчивого развития (ЦУР), принятых ООН в начале XXI в. Тем более, что в международных документах последних лет представлен целый веер глобальных проблем (от фатального потепления климата до серьёзных последствий СВО, отодвигающих приближение цивилизации к разрешению ЦУР на неопределенно-длительную временную перспективу.

Вместе с тем ошибкой было бы отрицание непреложного факта, подчеркнутенного ещё древним мудрецом – “всё

проходит, и это пройдёт”. Очевидно, что в течение “времени X” (любой конкретно обозначенный временной диапозон будет носить имманентно спекулятивный характер) современная цивилизация рано или поздно преодолет негативные последствия различных модификаций ковида и “украинского синдрома”, выйдя непременно на доковидный уровень цивилизационного динамизма. И тогда человечество непременно вспомнит о планах реализации мировой стратегии устойчивого развития, цели которой были обозначены ещё до 30-х годов XXI в.

В начале июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро открылась (и продолжалась декаду) Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92), в которой приняла участие небольшая делегация РФ, включающая 10 человек. (Для сравнения: делегация Японии составляла более 300 человек; США – 260.) Несмотря на ограниченные возможности, российская сторона, тем не менее, активно действовала на полях конференции, подписав всю систему документов, направленных на рационализацию взаимоотношений государств мирового сообщества с окружающей средой, обеспечение качества жизненных показателей человечества. Именно в её рамках была принята концепция устойчивого развития (УР) цивилизации, исходящая из удовлетворения базовых потребностей человека как настоящих, так и будущих поколений, при сохранении равновесия исторически сложившейся биосферы.

При этом на полях Рио-92 была разработана общая схема выхода глобального социума на уровень устойчивого развития. Однако конкретизация этого процесса была отдана на откуп правительствам стран-участниц, которым предлагалось подготовить национальные концепции УР, соответствующие

местным условиям, социально-экономическим возможностям и социокультурной специфике.

С начала 1990-х годов Россия оказалась в состоянии имманентной постоянной турбулентности: социально-политическая и экономическая неустойчивость, социальные стрессы, ухудшение положения человека...

Естественно, в этих обстоятельствах трудно было ожидать, что формирующие государственные структуры и тем более лишь нарождающийся бизнес смогут адекватно ответить на экологические призывы далёкой бразильской Конференции ООН. Спустя десятилетия некоторые члены тогдашней национальной делегации вспоминали, с каким трудом давались публикации об её решениях в прессе; как непросто было запустить процесс подготовки соответствующих государственных решений в области устойчивого развития.

И лишь через несколько лет на столе президента РФ оказался проект Указа “О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию” (от 1 апреля 1996 г.). “Шуточная” дата его подписания давала пессимистам, предрекавшим утопичность её реализации, повод для подтверждающих критических суждений. Вместе с тем оптимисты доказывали, что реальность современного трудного положения России – отнюдь не повод отказаться от формирования национальной концепции конструктивного устойчивого развития страны, устремлённой в будущее.

И тем не менее в Концепции перехода РФ к устойчивому развитию (1996) сформулированы основные направления движения национального социума в конструктивном тренде. Прежде всего речь шла об обеспечении стабилизации социоприродной ситуации в процессе преодоления остроты

социально-экономических трудностей; об экологизации экономической деятельности, в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления; о создании правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности, экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды.

Государственное управление процессом перехода к устойчивому развитию предполагает разработку системы программных и прогнозных документов, обеспечивающих баланс экономических, экологических и социокультурных процессов.

Первая декада XXI в. на удивление оказалась успешной: страна вышла на сравнительно высокие темпы экономического роста, приближаясь к тренду удвоения ВВП. Уверенно вверх поползли ценовые нефтяные показатели – одного из базовых наполнителей национального бюджета, что позволило примерно в два раза увеличить федеральные расходы. Более того, Россия получила возможность реально подключиться к адаптации концепции УР в национальных условиях.

На протяжении ряда лет национальная стратегия устойчивого развития активно дорабатывалась под эгидой Комиссии по законодательному обеспечению проблем устойчивого развития Государственной Думы РФ второго и третьего созывов. Минэкономики РФ

совместно с Госкомэкологии и другими заинтересованными федеральными органами разработали (на основе указа президента) проект государственной стратегии устойчивого развития, представленный в декабре 1997 г. на рассмотрение правительства РФ. Проект был направлен на доработку, чтобы преодолеть недостаточность учёта комплексного характера проблемы УР, её высокую степень практической.

И хотя проект так и не стал принятой доктриной устойчивого развития России, в стране продолжились усилия в этом направлении. В РФ принимаются программы (приоритетные национальные проекты), готовятся фунда-

ментальные документы – Экологическая доктрина (2002 г.); Энергетическая доктрина (2006 г.); Стратегия национальной безопасности РФ (2009 г.), Климатическая доктрина (2009 г.).

Наконец, были приняты (2012 г.) Основы государственной политики в области экологического развития на период до 2030 г., стратегическая

цель которых – решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений. Правительством РФ утверждён соответствующий План действий, предполагающий, в частности, ужесточение требований, предъявляемых к негативному воздействию на окружающую среду в целях сохранения озонового слоя и сдерживания процесса потепления климата как одного из важнейших факторов,

Государственное управление процессом перехода к устойчивому развитию предполагает разработку системы программных и прогнозных документов, обеспечивающих баланс экономических, экологических и социокультурных процессов

составляющих стратегию устойчивого развития; совершенствование системы нормирования воздействий на окружающую среду, обусловленного необходимостью формирования сбалансированной экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособной деятельности социума.

Итоги “нулевого десятилетия” применительно к России однозначно оценить непросто.

Действительно, с одной стороны, РФ – одна из немногих стран мирового сообщества, в которой не утверждена национальная стратегия устойчивого развития и идёт процесс уточняющей детализации концепции. России не удалось воспользоваться в полной мере периодом “тучных годов”, чтобы диверсифицировать модель экономического развития, преодолеть доминанту ресурсной экономики.

С другой стороны, в рамках научного сознания достаточно отчётливо закрепились представления, в соответствии с которыми позитивные национальные перспективы связаны с действительной реализацией концепции устойчивого развития, обеспечивающей баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Именно поэтому усилия социума были направлены на проработку “правил игры”, то есть создание комплексной системы законодательных актов, позволяющих вывести на социальный уровень концептуальные представления об УР.

И в последующее десятилетие в России продолжилась проработка механизмов (концептуальных, юридических, управленческих и т.п.) продвижения страны в направлении устойчивого развития. Тем не менее повторим, национальная стратегия устойчивого развития так и не была принята, хотя РФ,

по существу, поддерживает все решения ООН в этой сфере.

Более того, Аналитический центр при Правительстве РФ подготовил и представил в ООН (2020 г.) Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Из него следует, что большинство, если не все, в сущности, цели устойчивого развития (ЦУР) применительно к условиям современной России (ликвидация крайней нищеты, бедности, здоровье населения и др.) получают позитивное разрешение.

С начала XXI в. крупнейшие экономические структуры РФ публикуют отчёты, носящие преимущественно позитивный характер. В них неуклонно подчёркивается стремление к сочетанию технологического лидерства с экологическим контекстом ради “нашего общего благополучного будущего”, выходя на уровень реализации ESG-программ. Практические результаты этой деятельности, с известной степенью приближения к реальности, можно оценить на основании общепринятой международной статистики. В рейтинге стран по “индексу устойчивого развития” РФ находится в первой трети показателей (53), что немного лучше, чем у экономических гигантов (США и Китай), но хуже, чем у третьей экономики мира – Японии (12).

Оценивая результаты “успеха” стран в реализации стратегии устойчивого развития, с одной стороны, следует иметь в виду условный и относительный характер предложенной иерархии.

Во-первых, отсутствует общепринятая система критериев (индикаторов) “степени устойчивости” социоприродных структур. Во-вторых, ещё не в полной мере учтены последствия ограничений развития социума, налагаемых современной ковидной ситуацией,

не говоря уже о последствиях санкционных мероприятий (рейтинг подготовлен в 2018 г.). И уже сейчас компании РФ сокращают до 40% расходы на ESG-программы.

С другой стороны, страны мирового сообщества, оказавшись под воздействием COVID-19 и последствий военной турбулентности, с различной степенью эффективности преодолевают их последствия, что может служить одним из важных критериев “устойчивости” принимаемых решений.

Российская Федерация, исходя из официальных деклараций и решений, движется в направлении реализации стратегии устойчивого развития. Однако на этом пути выявляется немало препятствий. Отметим лишь некоторые из них.

Экономический спад. Санкции со стороны евроатлантического мира оказались довольно чувствительными. В результате ряд федеральных программ, составляющих основание реализации принципов устойчивого развития, планируется к сокращению финансирования. К примеру, нацпроект “Экология” уже в ближайшие два года (2024–2025) будет финансироваться на 10% меньше, чем в предшествующий период. Сокращаются вынуждено бюджеты таких федеральных проектов, как “Чистый воздух”, “Оздоровление Волги”, “Сохранение озера Байкал”. При этом, впрочем, практически не меняется финансирование важнейших нацпроектов – “Сохранение уникальных водных объектов”, “Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма”, “Сохранение лесов”.

В ближайший период примерно в два раза сокращается бюджет федерального проекта “Комплексная система обращения с твёрдыми коммунальными отходами”. Однако, по уверениям Минприроды, это не повлияет на реализацию планов по увеличению доли сортировки и утилизации мусора.

Климатический дисбаланс. Потепление приобретает отчётливый глобальный тренд. Россия, как и большинство стран мирового сообщества, испытывает на себе последствия глобального потепления, связанного с выбросами парниковых газов. Среднегодовая температура в РФ растёт быстрее общемировой, увеличившись за последние

несколько десятков лет почти на градус. В перспективе специалисты прогнозируют дальнейшее потепление.

Всё больше регионов страны испытывает негативные последствия этого процесса, накладываемого на масштабные технико-антропогенные факторы: усиливается почвенная эрозия, расширяются явления опустынивания, специалистов беспокоит

таяние вечной мерзлоты – на неё приходится немалая часть российской территории; усиливается таяния ледников, в том числе и в Арктике.

Любые радикальные трансформации естественных экосистем крайне нежелательны. Ибо ведут к слому адаптационных механизмов всего живого, включая и человека, хотя Homo sapiens лучше приспосабливается к изменениям среды – поэтому и сохранился в эволюционной борьбе за выживание.

Сокращение биоразнообразия. В процессе антропогенеза в результате человеческой деятельности исчезли

Санкции со стороны евроатлантического мира оказались довольно чувствительными. В результате ряд федеральных программ, составляющих основание реализации принципов устойчивого развития, планируется к сокращению финансирования.

(и продолжают исчезать) многие виды живых организмов. Сегодня на грани полного исчезновения находятся около одного миллиона видов животных и растений – многие из них могут быть безвозвратно потеряны ещё до конца XXI в.

Биоразнообразие – важнейший ресурс в России, обеспечивающий возможность устойчивого развития и сохранения среды обитания как на локальном, так и глобальном уровнях. Более того, биоразнообразие РФ рассматривается как фактор планетарного устойчивого развития. Именно в России – значительные масштабы практически ненарушенных арктических экосистем, почти до четверти девственных лесов планеты, крупнейшие в мире реки и озёра, значительные по площади ареалы чернозёмных почв с участками сохранившихся степей, уникальные очаги биоразнообразия в горных районах, на Дальнем Востоке...

Биоразнообразие – важнейший ресурс в России, обеспечивающий возможность устойчивого развития и сохранения среды обитания как на локальном, так и глобальном уровнях.

В целом, состояние видового разнообразия России оценивается как благополучное. Однако биомы европейских степей и широколиственных лесов практически исчезли, сохранившись лишь мелкими фрагментами экосистем на особо охраняемых природных территориях. Около 15% российской территории, на которых проживает две трети населения страны, характеризуются как экологически неблагополучные, со значительной степенью разрушения естественных экосистем и деградации почв. В стране, по официальным данным, более 50% гектаров сельскохозяйственных угодий подвержены эрозионным процессам.

“Ресурсное проклятие”. На своё “несчастье” РФ находится в первых строч-

ках мирового ресурсного рейтинга: по запасам природного газа, угля, нефти... Считается, что её природно-ресурсный потенциал составляет более 20% мировых запасов. Природные ресурсы, используемые российской экономикой, составляют свыше 90% её национальных богатств.

Власти не нашли политической воли (а это требовало “затянуть пояса” – сократить всё возрастающие потребности населения), чтобы ускорить процесс диверсификации национальной экономической модели. Гром санкционного Зевса должен придать диверсификации необходимый позитивный тренд.

Депопуляция. По официальной статистике Росстата (2022 г.), население РФ сократилось более, чем на 0.5 млн человек. Тенденция роста смертности обусловлена, в частности, как непосредственными последствиями коронавирусной инфекции, так

и общей негативной социально-экономической ситуацией.

Россия нуждается в активной демографической политике, которая привела бы в ближайшей перспективе к росту народонаселения. Власти делают немало в этом направлении: материнский капитал, увеличение пособий на детей и др. Вопрос лишь в том: имеют ли эти тенденции стратегический или тактический характер?

Ведь умеренные темпы демографического прироста, то есть выход на уровень демографического оптимума, – один из факторов, определяющих реализацию мировой стратегии устойчивого развития. Иначе говоря, с одной стороны, тенденция национальной депопуляции – фактор реаль-

ного неблагополучия внутри страны, а с другой – власти подталкиваются к более бережному отношению к человеку как действительному и единственному актору исторического динамизма.

Если тактически Россия пока не “созрела”, то стратегически ей не избежать выхода на уровень развития, обеспечивающий баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Более того, для этого имеются практически все концептуальные предпосылки и государственные решения.

Имманентность патернализма. Доминирующий статус государственных структур в процессе принятия и реализации базовых социокультурных ценностей. Патернализм как сущность политической культуры исторически присущ российской ментальности, как социуму коллективистско-авторитарного типа.

Российские власти должны постоянно подпитывать и демонстрировать преимущества и возможности патернализма, доказывая национальному социуму свою эффективность. Именно поэтому постоянно подчёркивается бесплатность образования и здравоохранения для населения, что таковым, очевидно, в полной мере не является. В результате исторически сформировался патерналистский тип личности, который, отдав власти принятие политических решений, ожидает взамен материальной поддержки и социального продвижения.

Компенсацию ресурсного дефицита можно получить за счёт баланса между государственной авторитарностью и свободой личности. Это

придаст классическому патернализму современное измерение, учитывающее исторический и социокультурный динамизм.

Природно-ресурсный потенциал. По имеющимся данным, Россия располагает необходимыми запасами практически всех значимых природных ресурсов. Это позволяет ей развиваться на национальной сырьевой базе. Впрочем, необходимо иметь в виду, что ресурсный Клондайк отнюдь не бесконечен. Считается, к примеру, что обеспеченность разведанными запасами нефти, природного газа или угля составляет около 100 лет. Конечно, эта

цифра будет отодвигаться по мере открытия новых источников органических ресурсов.

Перспективная стратегия России связывается с преодолением ресурсных стереотипов, рациональным использованием национального природно-ресурсного потенциала, переходом к масштабному использованию высоких технологий, более действенному учёту экологических представлений.

Симбиоз ресурсной базы и новых технологических решений создаёт ей возможности конструктивного динамического роста.

Традиции высокой науки. Россия относится к числу стран, для которых изначально характерен приоритет фундаментального знания.

Советская наука, воспринимая мировой опыт, вместе с тем опираясь на национальные традиции, ориентировалась на соответствие высоким научным образцам, особенно в областях, имеющих военное значение – ядерная энер-

Если тактически Россия пока не “созрела”, то стратегически ей не избежать выхода на уровень развития, обеспечивающий баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Более того, для этого имеются практически все концептуальные предпосылки и государственные решения

гетика, космонавтика, авиационная промышленность, вычислительная техника. Лауреатами Нобелевской премии по физике стали семь советских ученых; за физиками из “новой России” числится пока три “Нобеля”.

В постсоветский период отечественная наука постепенно утрачивала завоёванные прежде позиции. Специалисты бьют тревогу: сокращается финансирование научных исследований, свертываются наукоемкие направления производства и др. На долю РФ приходится меньше 3% мировой науки. Усиливается научная эмиграция, особенно молодых и перспективных учёных.

И тем не менее кризис отечественной науки ещё не перешёл точку невозврата, и есть возможность придать ей утраченную инновационность. Ещё сохраняются базисные основания науки: поддерживается финансирование академических институтов, сохранены основные научные школы и интеллектуальный потенциал. Не утрачен интерес молодежи к науке: престижность, например, физических факультетов отнюдь не снижается. Именно “инновационный взрыв”, связанный с грядущим подъёмом науки в России, призван обеспечить национальный исторически динамизм.

Очевидно, что первая половина XXI столетия будет далека от искомой “устойчивости”, выходя на режим нежеланной “турбулентности”: обострение экономических национально-региональных трендов; затруднения полноценного финансирования масштабных социально-экологических проектов; социокультурные диспропорции, об-

условленные многочисленными миграционными потоками... В результате ухудшения мировой экономической ситуации сохраняются негативные социально-экологические тенденции, не улучшаются качественные характеристики окружающей природной среды и качество жизни.

Необходимо время, чтобы современная цивилизация, преодолев турбулентный период, вышла на искомый линейный уровень развития национально-региональных (и глобальной) социоприродных систем, выскочив из “ловушки Фукидида” – военной конфликтности. К середине XXI в. человечество, преодолев имманентные трудности, вернётся к полноценной реализации модели устойчивого разви-

тия цивилизации – иного просто не дано. В любом случае глобальный социум должен включить такой механизм деятельности, который позволил бы решать проблемы человечества, не приводя к опасной деградации биосферы, не ухудшая качество социоприродных условий бытия.

И это – путь России в её традиционно ев-

разийской ипостаси: балансирование между европейскими и азиатскими стереотипами. Однако, если в прежние времена это условие осуществлялось на западнорелигиозных основаниях, то для XXI в., по крайней мере в его первой половине, предполагается балансирование с “восточным акцентом”.

Быть может, прав был Александр Блок: “Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...” Специалисты по творчеству Блока говорят: это – последние напечатанные его строки...

В постсоветский период отечественная наука постепенно утрачивала завоёванные прежде позиции. Специалисты бьют тревогу: сокращается финансирование научных исследований, свертываются наукоемкие направления производства и др.